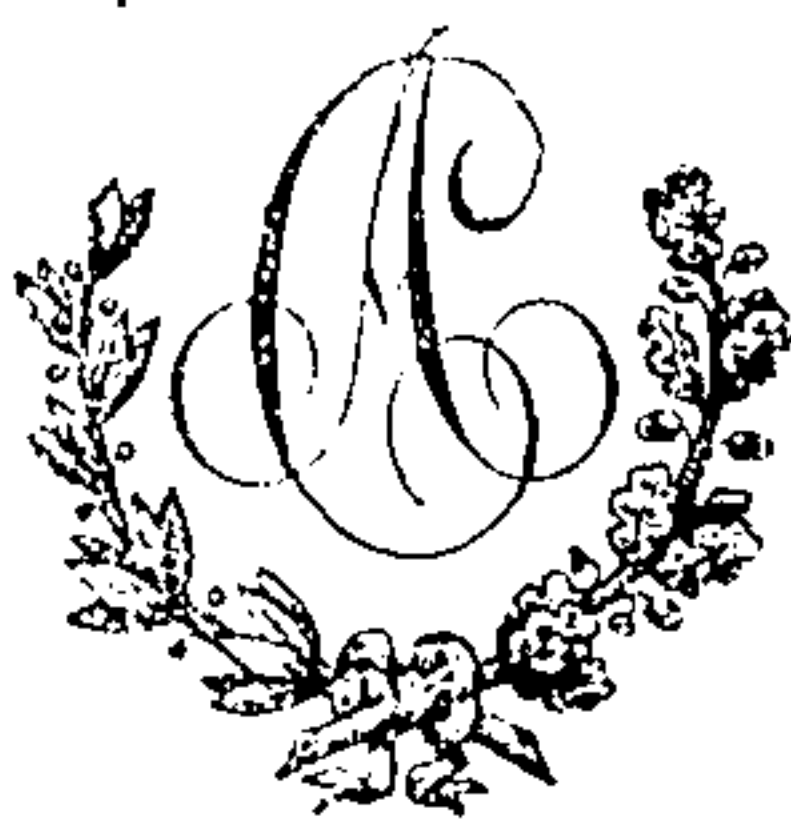

✓ 331
327

У 327

ОЧЕРКЪ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ XVIII СТОЛѢТІЯ.

СОЧИНЕНІЕ
И. СТРЕКАЛОВА.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

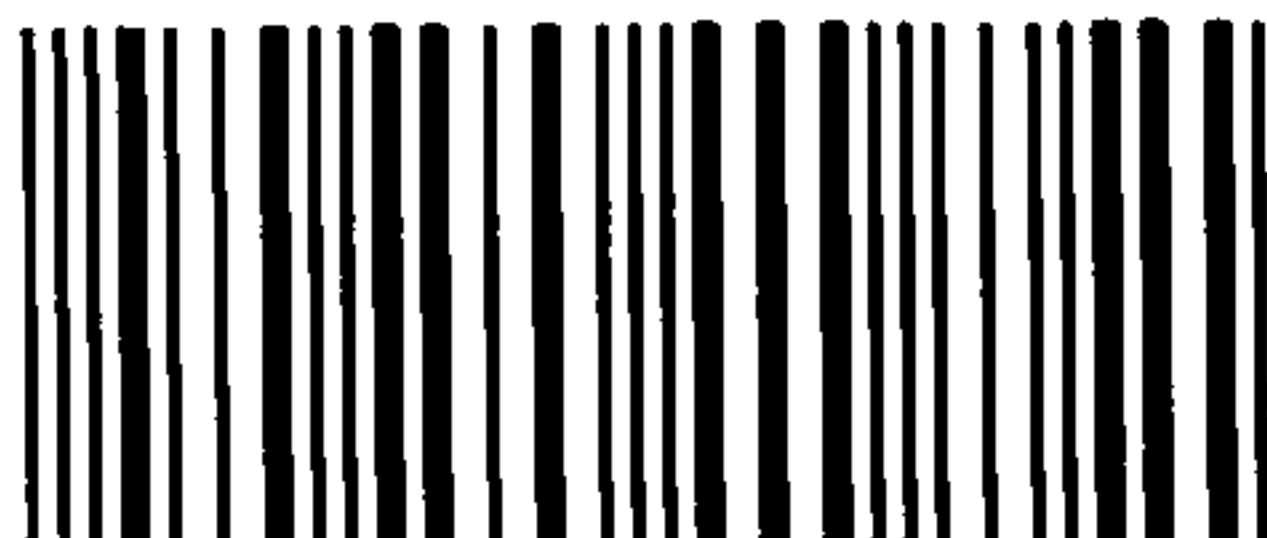
~~~~~
1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатапани представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Москва, Августа 13-го дня, 1837 года.

Ценсоръ В. Булыгинъ.

2007113171

В В Е Д Е Н І Е.

Искусство есть олицетвореніе идеи изящнаго, иначе, проявленіе творческой дѣятельности нашего духа. Духъ безконечный, для видимаго проявленія, необходимо долженъ подчиниться условіямъ міра феноменальнаго. Какія-жъ эти условія? Пространство и время. Искусство, развивающееся въ пространствѣ, облекается въ извѣстные *образы*: отсюда художества *образовательныя*: Зодчество, Ваяніе, Живопись. Являясь во времени, независимо отъ пространства, искусство выражается въ *звукахъ*: это Музыка. Наконецъ, когда формою для проявленія идеи Изящнаго служитъ *слово*, и образъ и звукъ вмѣстѣ, тогда рождаются искусства *словесныя*.

Но слово имѣетъ болѣе обширное значеніе. Человѣкъ, гражданинъ двухъ міровъ, живешь, можно сказать, двумя жизнями — внѣшнею, наравнѣ со всей природой, и внутреннею, духовною, проявляющеюся въ мышленіи, нравственномъ дѣйствованіи и чувствѣ художественномъ: эта внутренняя жизнь поставляетъ его на степеняхъ существа разумно-свободнаго, царя природы видимой. Поэтому, одною какъ-бы часнію принадлежитъ

VI

человѣкъ міру феноменальному , другою — духовному: онъ звено , связующее оба міра. Таинственная въ немъ связь двухъ частей противоположныхъ , связь тѣла и духа , — не сомнѣнна , какъ образующая одно цѣлое , недѣлимое. Эта связь причиною необходимости взаимнаго проникновенія духа нашего со внѣшней природою. Мы стремимся перенести міръ видимый въ свое разумѣніе — и , наоборотъ , вдохнуть свою мысль во все насъ окружающее , сообщиться всей природѣ , особенно существамъ намъ подобнымъ , легче и лучше насъ понимающимъ. Для перваго стремленія — воссоздать въ себѣ міръ видимый , есть орудія : зрѣніе , способность воспріятія чрезъ него *впечатлѣній* и способность *представленія* ; есть и гошовыя формы : образы самыхъ предметовъ , насъ окружающихъ. Гдѣ-жъ средства проявленія мысли во внѣшности? Намъ свыше даровано слово , какъ орудіе и вмѣстѣ форма мысли. Если слово необходимо для явленія мысли во внѣшности , то оно не есть произвольное изобрѣтеніе человѣка , постепенно совершенствовавшееся , онъ первыхъ восклицаній (междошій) до системы языка , какъ утверждали нѣкоторые — нѣтъ , оно должно быть современно первому раскрытію разума , какъ необходимая для этого форма , слѣд. , современно первому человѣку. Въ этомъ отношеніи , важный смыслъ имѣетъ священное сказаніе Моисея (1) : «и всяко , еже аще нарече Адамъ душу живу ,

---

(1) Бытія , гл. 2.

сіе имя ему; и нарече Адамъ имена всѣмъ скошомъ, и всѣмъ пшпцамъ небеснымъ, и всѣмъ звѣремъ земнымъ...» Первенець-человѣкъ, явившійся въ свѣтъ съ полнымъ развишіемъ разума, при первомъ взглядѣ на природу, устремился запечатлѣть свою мысль на всемъ окружающемъ, и запечатлѣлъ ее — словомъ.

Таково высокое значеніе слова, какъ слѣдствіи врожденной въ насъ необходимости сообщаться духомъ съ видимою природою. Въ этомъ смыслѣ, оно должно быть разсматриваемо параллельно съ умственной жизнью человѣчества.

По мѣрѣ того, какъ родъ человѣческій, размножаясь и разсѣляясь по лицу земли, образовывалъ отдѣльныя массы людей, народы, которые, находясь подъ вліяніемъ своей мѣстности, принимали особыя видоизмѣненія, сохраняя, разумѣется, слѣды своего общаго происхожденія — и самое слово, подчиняясь тому-же вліянію, хотя въ сущности пребывало неизмѣннымъ, но принимало особый характеръ, особыя формы, раснадалось на отдѣльныя *языки*. Слѣд. , языкъ есть *явленіе слова въ народѣ*.

Различныя явленія духа человѣческаго въ словѣ, или духа народнаго въ отдѣльномъ языкѣ, образуютъ міръ словесный — *словесность* вообще, или словесность какого либо народа въ особенностяхи (1). Изъ этого видно

---

(1) Здѣсь я разумѣю словесность въ смыслѣ литературы, а не науки.

VIII

чно въ словесности должно различать духъ народа, его умственный развитіе, какъ содержаніе, и языкъ, какъ выраженіе.

Законы духа нашего неизмѣняемы: слѣд., они должны повсюдяться во всѣхъ его явленіяхъ, не смотря на вліяніе мѣстности. Поэтому, произведенія словесныя всѣхъ народовъ должны являться въ однѣхъ общихъ формахъ. Какія-жъ эти формы?

Въ нашей духовной природѣ три силы: познавательная, *умъ*; желательная или дѣятельная, *воля*; наконецъ, художественная или творческая, имѣющая основаніемъ внутреннее *чувство*, чувство изящнаго, и орудіемъ *фантазію*, творческое воображеніе. Всѣ явленія нашего духа должны испытать вліяніе духовныхъ этихъ дѣятелей, слѣд., и явленіе мысли въ словѣ. Но вліяніе это не можетъ быть вполне уравновѣшено: который нибудь изъ трехъ дѣятелей преобладаетъ. Одни произведенія словесныя, творимыя подъ преимущественнымъ вліяніемъ ума, образуютъ 1) область *наукъ*, изслѣдующихъ то, что *есть*; другія, подъ преимущественнымъ вліяніемъ воли, — 2) область *Краснорѣчія*, предлагающаго вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что *должно быть*, для нравственной пользы человечества; третія, подъ преимущественнымъ вліяніемъ фантазіи, — 3) область *Поэзіи*, которая, отражая жизнь дѣйствительную, преобразуетъ ее — и творитъ новый міръ, *идеально-возможный*.

Науки, какъ извѣстно, не принадлежатъ къ литературѣ въ собственномъ смыслѣ: ее составляютъ про-

изведенія Краснорѣчія и Поэзіи, т. е., такъ называемой, *изящной словесности*. Но, обозрѣвая какую либо словесность, необходимо коснуться и успѣховъ наукъ, говоря вообще о состояніи просвѣщенія извѣстной эпохи, просвѣщенія, опредѣляющаго и направляющаго литературу.

Произведенія изящной словесности имѣютъ еще рѣзкое между собою различіе, вслѣдствіе котораго распадаются на нѣсколько *родовъ*. Два главныхъ и единственныхъ поприща для дѣятельности нашего духа: природа внѣшняя и собственный міръ его, міръ нашихъ внутреннихъ мыслей и чувствованій. Когда духъ нашъ обращается ко внѣшности, созерцаетъ ее — и свои наблюденія возсоздаетъ въ художественныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, тогда является *Эпопея*. При обратномъ-же стремленіи духа, при его самоуглубленіи, въ области Поэзіи рождается *Лирика*, родъ Поэзіи по преимуществу субъективный. Наконецъ, взаимное дѣйствіе обоихъ міровъ, внутренняго и внѣшняго, ихъ борьба и возможное умирненіе, выражается въ *Драмѣ*, сливающей въ себѣ и эпическую и лирическую стихію. Каждый родъ Поэзіи, слѣдовательно, имѣетъ свою особенную сферу. Эпопея, возсоздавая міръ видимый, имѣетъ дѣло съ шѣмъ, чинно уже совершилось: область ея — прошедшее, предметъ — человѣчество. Здѣсь господствуешь, какъ и въ мірѣ историческомъ, законъ необходимости, или, лучше сказать, здѣсь все почіетъ въ лонѣ Промысла. Отсюда происхожденіе *гудеснаго*, управляющаго механизмомъ

Х

Эпопеи : разумѣется, значеніе чудеснаго въ древней и новой Поэзіи совершенно различно. Сфера лирической Поэзіи : внутренній міръ чловѣка. Здѣсь парящій духъ возносится надъ предѣлами видимаго ; онъ не ограничивается ни прошедшимъ, ни настоящимъ ; онъ дерзаетъ проникать даже въ будущее. Предметъ Лирики : чловѣкъ въ самомъ себѣ ; поэтому, въ ней господствуетъ свобода духа чловѣческаго. Наконецъ, общество, взятое въ извѣстный моментъ, какъ настоящее въ жизни чловѣчества, — вотъ область и предметъ Драмы. Здѣсь чловѣкъ является предъ нами полемъ борьбы безконечнаго съ конечнымъ, свободы съ необходимостью. — Эпимъ прѣмъ родамъ Поэзіи соотвѣтствуютъ три рода Краснорѣчія : Эпопея — *Исторія*, Лирика — *Догматика*, Драма — *Ораторская рѣчь* собственно, или *Витійство*. Объясненіе этого параллелизма можешь завлечь самымъ далеко. Но — *sapienti sat* !

Вотъ всѣ роды изящной словесности (1), повсюду существующія, по единству началъ, у всѣхъ народовъ неизмѣнно, только нѣсколько разнообразясь въ своихъ видахъ, по вліянію мѣста и времени — и то не въ сущности, а

---

(1) Теперь не нужно доказывать, что *Дидактика* и такъ называемая *Пастушеская Поэзія* не составляютъ особыхъ родовъ — Кришика также не есть особый родъ словесности, какъ нѣкоторые думаютъ, а приложеніе ея Теоріи къ произведеніямъ : въ ней соединяется и теоретическое и историческое воззрѣніе на словесность.

въ формѣ, или даже въ одномъ названіи (2). Въ эпическихъ родахъ должно слѣдить развитіе каждой литературы.

Когда же появляется у народа словесность? Мы сказали, что словесность есть выраженіе умственной, духовной жизни народа — посредствомъ внѣшняго орудія, языка. Но существованіе языка еще не обуславливаетъ бытія литературы. Дабы выразить себя, надобно *познать* себя: такъ въ одномъ человѣкѣ, такъ и въ человечествѣ, въ народахъ. Поэтому, народное *самопознаніе* — необходимое условіе литературы народной. И какъ ошибаются тѣ, которые принимаютъ первые звуки младенческаго лепета народа за явленія, достойныя быть внесенными въ область литературы!

Когда жъ начинается это самопознаніе? — Народы имѣютъ тѣ же возрасты, какъ человѣкъ: *младенчество*, *юность*, *мужество*; старость же не есть особый возрастъ, а истощеніе и предсмертное состояніе мужества. Въ *младенствѣ* народы живутъ болѣе жизнью внѣшнею; здѣсь внутренняя самобытность едва раскрывается. Въ этомъ періодѣ народы еще бѣдны наблюденіемъ и опытомъ: духъ ихъ, разливаясь на все окружающее, не въ силахъ еще не только сознать самого себя, но даже уяснить понятіе о предметахъ міра внѣшняго. Переходя въ слѣдующій возрастъ *юности*, наро-

---

(2) На пр., Пѣсня, Романсъ, Канцона, и проч.

XII

ды обогащающаюся наблюденіемъ и опытомъ, уясняютъ свои понятія обо всемъ окружающемъ — и начинаютъ *сознавать* самихъ себя. Это періодъ *самогугствія*, или *самосознанія*. Наконецъ, при совершенномъ и полномъ развитіи, запасшись и вѣрнымъ опытомъ и Наукою, каждый народъ, какъ и одинъ человекъ, оканчиваетъ свое умственное развитіе *познаніемъ* самого себя. Это возрастъ *мужества*, періодъ народнаго *самопознанія*.

Итакъ, кажешся, доказываешь истину этихъ положеній: въ наше время, думаю, иначе и нельзя смотрѣть на жизнь народа. Если же литература, какъ я сказалъ, есть выраженіе народнаго самопознанія, то, очевидно, истиннаго ея начала искаешь должно лишь въ послѣднемъ періодѣ народной жизни: все же предыдущее есть только приуготовленіе. Мы видимъ въ Истории, что процвѣтаніе литературы бываетъ всегда при конечномъ развитіи силъ гражданскихъ, чаще какъ-бы вслѣдствіе великихъ политическихъ событій, вознесшихъ народъ на высшую степень могущества. Вѣкъ Перикловъ послѣдовалъ за славными побѣдами на поляхъ Марафонскихъ, при Саламинѣ, при Микалахъ, когда оружіе Грековъ сокрушило могущество Персіи — и шѣмъ, можетъ быть, рѣшило владычество Европы надъ Азією. Вѣкъ Августовъ являлся въ то самое время, когда Кесарь Рима могъ называться владыкою свѣта. Вѣкъ Людовика XIV совпадаетъ съ политическимъ могуществомъ Франціи.

Теперь, при обращеніи къ намъ самимъ, невольно рождается вопросъ: гдѣ же наше народное младенчество, юность и мужество?

Свѣтъ Христовой вѣры согрѣлъ сѣмена гражданского образованія, съ нею вмѣстѣ занесенныя къ намъ изъ Греціи—и они начали прозябать въ государствованіе Владиміра I и Ярослава I. Можетъ быть, не замедлили бы созрѣть и плоды, если бы гибельный Удѣлизмъ, обративъ всѣ силы юной Россіи къ дѣятельности внѣшней, не помѣшалъ внутреннему развитію нашей жизни. Такъ застигли насъ дикіе завоеватели, Монголы — и ихъ тяжкое иго заглушило слабыя ростки образованія. Періодъ времени съ половины XIII и до половины XV в. весь прошелъ сперва въ бездѣйственномъ рабствѣ, потомъ въ попыткахъ изъ него высвободиться. Это продлило возрастъ нашего народного *младенчества*, до половины XV столѣтія. Наконецъ, Іоаннъ III спряхнулъ иго рабства — и мы почувствовали свои зрѣющія силы, слѣд., вступили въ періодъ *самогубствія*, въ періодъ юности. Этимъ же великій Государь положилъ прочное начало и уничтоженію Удѣловъ, сосредоточенію силъ въ Единодержавіи; онъ даже почти совершилъ это важное дѣло, оставивъ лишь немного докончить своимъ преемникамъ. Тутъ только духъ народный *созналъ* свои силы — и самобытность его начала перемогать вліяніе внѣшнее. И такъ, съ Іоанна III мы начали нашъ періодъ *юности*, продолжившійся до Петра Великаго. Здѣсь уже начало нашего гражданского образованія, на-

чало наукъ и художествъ, начало нашего народнаго *самопознанія*.

Основываясь на предыдущемъ, я полагаю естественнымъ общепринятое дѣленіе нашей Исторіи на слѣдующіе три періода: 1) отъ основанія Государства до Іоанна III, періодъ, соотвѣтствующій нашему *младенчеству*, и переходу его къ юности; 2) отъ Іоанна III до Петра I, соотвѣтствующій народной *юности*; 3) отъ Петра I, періодъ нашего *мужества*. Если же литература должна быть разсматриваема въ народѣ параллельно съ умственнымъ развитіемъ, какъ его выраженіе, то и Исторію нашей литературы можно раздѣлить на три соотвѣтственные періода: 1) отъ появленія письменныхъ памятниковъ до половины XV вѣка; 2) отъ XV вѣка до начала XVIII, или опредѣленнѣе, до Единодержавія Петра Великаго (1689); 3) отъ Петра Великаго: это періодъ собственно литературный, продолжающій развиваться въ нашихъ глазахъ.

Дабы имѣть свѣденіе, въ какомъ состояніи находилась наша словесность до наступленія послѣдняго періода, или, лучше, до истиннаго начала нашей словесности, дабы видѣть ся зарожденіе въ предыдущихъ вѣкахъ, — необходимо бросимъ хотя бѣглый взглядъ на два первыхъ, такъ сказать, вступительныхъ періода нашей литературы, отъ образованія языка и появленія первыхъ письменныхъ памятниковъ до Петра Великаго. Изъ предыдущихъ положеній касательно народныхъ возрастовъ вообще и изъ ихъ приложенія къ нашему отече-

ству впередъ видно, — чего мы здѣсь можемъ ожидать. Ошкнемъ всякое національное пристрастіе — и не будемъ стараться возвышать состояніе нашей словесности, вопреки общему ходу человѣчества!

Въ этомъ предварительномъ очеркѣ мы еще не можемъ слѣдить всѣ роды словесности: мы имѣемъ опъ этого времени лишь нѣсколько скудныхъ памятниковъ.

Я постараюсь указать на эти памятники, въ послѣдовательномъ порядкѣ ихъ появленія и по выбору, обращая вниманіе лишь на важнѣйшіе, — вмѣстѣ съ тѣмъ означить *стихи*, вливавшіяся въ языкъ Славянскій — и мало-по-малу образовавшія изъ него нынѣшній Велико-россійскій.
